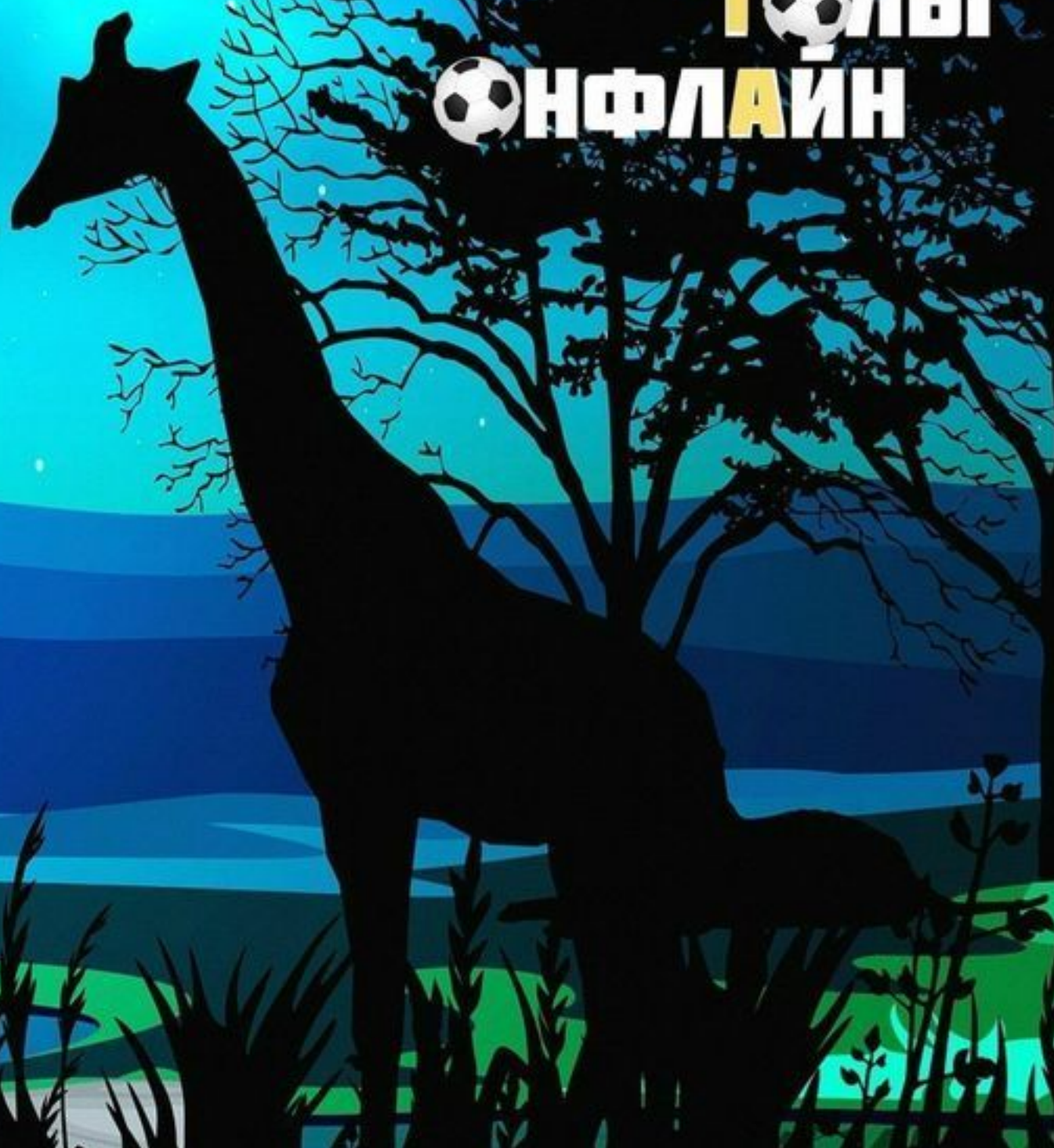

Владимир Ильичев (Сквер)

ГОЛЫ
ОНФЛАЙН

Владимир Ильичев (Сквер)

Голы онфлайн

«Издательские решения»

Ильичев (Сквер) В.

Голы онфлайн / В. Ильичев (Сквер) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836874-5

Жирафёнок Анята мало знаком с тёзкой из легендарной бардовской песни... Однако саванна свежа и просторна! Благо есть вольный ветер, на любой разгон умелец, который даже без форменных отличий не прочь креативно пасануть или забить, потом приправить сносным перцем блюда на кухне мироздания, а после ужина мирно задремать задутый самодельной свечкой. Но непременно проснуться Маленьким Медведем в кармашке Анегурки! «Что курит автор?» — читайте целый сборник рецептов!

ISBN 978-5-44-836874-5

© Ильичев (Сквер) В.
© Издательские решения

Содержание

«Ты в красном... Не видел тебя ещё...»	6
«Твоё молчание дороже пустословья...»	7
Мой образ жизни	8
«Так здорово... Вы празднуете что-то...»	9
ParKET	10
Дарю	11
«Девушки в сетчатых платьях!» ...»	12
«Вы холодны, Зима, но так ли это важно?..»	13
3 4 5	14
«Тебе идёт – играть, носиться с детворой...»	16
«Смотрю минуту на тебя ...»	17
Люденцы	18
«Я мутный тип (один из мутных типов)...»	19
Клик	20
Настоянный апрель	21
Драгметалл	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Голы онфлайн

Владимир Ильичев (Сквер)

© Владимир Ильичев (Сквер), 2017

ISBN 978-5-4483-6874-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Ты в красном... Не видел тебя ещё...»

Ты в красном... Не видел тебя ещё
одетой в ярчайший «ред».
Ты разной бываешь. Как вор с ключом,
крамольных следов эстет.

Когда из меня забрала – меня —
оставила призрак – нас,
обыденно, ловко, едва звеня
брелком... настоящий ас.

Не зря же ты – Ася! Не зря, не зря.
И я неспроста богат...
А после тебя – рассказать нельзя —
насколько возрос оклад.

А после тебя – нет меня, есть мы
на фоне пеньков и рощ,
мы слямзили новый рассвет из тьмы,
мы стырим у ада ночь.

«Твоё молчание дороже пустословья...»

Твоё молчание дороже пустословья.
В нём обозначился источник нужных слов,
заметный мне – и всё... Настольный. Но, позволь, я
хоть поиграю в многогранную любовь.

Потом расскажешь, до чего она серьёзна,
когда земля уже сотрёт мои уста.
Сухая сводка: будет сыро, предморозно.
Я буду спать. Ты будешь, кажется, грустна.

Потом ты тоже будешь спать. На том же месте.
Меня направят по делам в небытие.
Смотри, у кубиков моих – ни гранки мести,
вернусь погожей внешней полночью к тебе.

Да, я хотел бы, чтобы так примерно было.
Большая разница – «хотел бы» и «хочу».
Хочу – тебя – любить, и чтобы ты любила,
причём без разницы – кого... не слышь... почуй.

Мой образ жизни

Мне раньше говорили: мой образ жизни плох.
«Торчишь, бухаешь, куришь, по саунам тусишь».
С цыплёночка на гриле однажды капнул Бог,
шепнул: «Святым не будешь, но пищу освятишь».

Цыплёнок сразу пискнул, с решётки соскочил,
отросшей головёнкой по-детски покачал,
пацифик лапкой тиснул на пламени свечи
и дал по жести звонкой, с подскоком, стрекача.

Но мне опять сказали: мой образ жизни плох.
«Пропал, друзей не помнишь, по вегану чудишь».
На фразе «Ешь, мерзавец!» опять явился Бог,
шепнул: «С тобой Воронеж, а главное – Курмыш».

Я сразу в ритме Цоя сейтана замесил,
сготовил, и бездомным на паперти раздал,
«Съедобно... это соя?» – один меня спросил,
а я муки несдобной оставил у костра.

Но мне опять сказали: мой образ жизни плох.
«Включаешь мецената, когда и сам-то нищ».
С буклетом о Версале открылся тощий Бог,
шепнул: «А ты – что надо», и съехал из Мытищ.

Я сразу следом съехал, поближе к Курмышу,
Воронеж – тоже рулит, но родина – зовёт,
с тех пор не без успеха пейзажики пишу,
ловлю холстами пули, а кровь держу за йод.

И мне опять сказали: мой образ жизни плох,
ни славы, ни почёту, ни щасья на пропой.
Пропитый на вокзале, тропой добрался Бог,
шепнул: «Пошли их к Чёрту» – и одарил тобой.

«Так здорово... Вы празднуете что-то...»

Так здорово... Вы празднуете что-то...
В компании, похоже – всей роднёй.
Семейное классическое фото.
Не пьянка. Не бардак очередной.

Так здорово... Твой Эф – малюет жестом
картину «Эй, к моей не подходи!»
Я скрылся в направлении известном,
но ты-то у меня живёшь в груди...

Так здорово... что я не огорчаюсь
твоей понятной близости к нему,
ревнуют – неким образом отчаясь,
а я тебя надолго обниму.

Так здорово... что мало пошлых мыслей,
и мало, и на слово не грубы.
Подумалось: но как бы вышли – мы с ней?
А сердце снова вытолкнуло «бы».

ParKET

Патриархат... Матриархат... Протри паркет!
С веками пыли накопилось, аж чихнул,
и подскочили разновидности побед,
пылинок сто, легко упав на общий нуль.

«Знай место, женщина!» – я тоже так вопил?
Неслабо, значит, я тогда комплексовал.
Так напугать себя пытается вампир,
сломав клыки, попортив зеркала овал.

«Мужик, ты должен быть таким-то и таким!»
Каким – не помню. Но остался я собой.
Есть два эпитета: любима и любим,
всё остальное – ратоборство и отбой.

Матриархат... Патриархат... Переворот...
Потом опять... и разновидностями бед
слоится то, что нам дано перебороть.
Глянь, сколько пыли-то. Давай протрём паркет.

Дарю

Таких, как ты... На месте многоточий —
должна быть взятка музе: «больше нет!»
Но я музык до сделок не охочий,
к тому же заплатил за интернет.

Таких как ты – семнадцать-восемнадцать,
с учётом ряда фейковых страниц.
Все статусны, как пачка ассигнаций,
все могут показать – не верх, так низ.

Вот это да. А если мы запросим
мои, для понта, имя и фамиль?
Вот это да – без шуток. Триста восемь!
И что я не какой-нибудь Камиль?

Ой, нет, Камилей тоже – лес да поле...
Но я-то... ёлки... более трёхсот!
Бежать. Бежать! Бежать от жалкой доли,
я для тебя и так – не высший сорт.

Бегу. Плечом толкаю цветовода.
Дал руку. Он с букетом. Кровь. Шипы...
И голос: «Повторяется погода,
но вы – таких не может больше быть.

Бери!...» А розы разные в букете,
оттенков не поймать, не перечесть,
Всего три лепестка в едином цвете —
как мы с тобой, как наша доля цвеств!

И дал на интернет, кудесник рыжий,
позднее сдавший место декабрю.
Прими же эти семь четверостиший,
мне сказано «...Дари!» – и я дарю.

«Девушки в сетчатых платьях!» ...»

«Девушки в сетчатых платьях!» —
нюсов пиявится нить.
Видимо, надо ипатых
этих, в авоськах, ценить.

Лайкать на полную силу,
в страстный нажим репостить.
Каждому фронту и тылу —
порох, патроны, пластид!

Зримо почти чувство локтя,
все – по фронтам и тылам!
Только предатель Володька
снова включил антиспам.

Что ему нюсы ипатых,
что ему штамп «дезертир»?
Анька в зелёньком платье —
безоговорочный... мир!

Мало ли, что там под платьем,
если не в сетку оно?
Боеприпасы на складе,
но – где война – там темно.

«Вы холодны, Зима, но так ли это важно?..»

Вы холодны, Зима, но так ли это важно?
Я сын Весны, во мне достаточно тепла.
Спонтанный шаг – и ваша честь не только ваша,
все ваши кони потеряют удила.

Все ваши козыри нещадно будут биты,
я подсмотрел их, и забыл, и вспомню вновь,
Весна такие может вытворить кульбиты...
наивно ждать безгрешной кармы от сынов!

Вы холодны, волшебны, дивны и жестоки,
я сам такой же, поначалу, и потом,
лишь буду жать из нашей схожести все соки,
пока не ляжем разной дымкой об одном...

Когда вы снова предпочтёте сбоку Осень,
я не напому вам того, что бока – два,
я буду шага ждать от вас, и на морозе
моя остудится... до завтра... голова.

3 4 5

Мне прислали много денег.
Триста сорок пять рублей.
Завтра будет понедельник.
Завтра – будет! Айм окей!

Слышал, ты, кипучий доллар?
Завтра я в который раз —
отнесу тебя на холод,
на снежок. Сойдёшь за наст.

Я по насту добираюсь
до села Бутылкин Пэт,
где хожу и побираюсь,
как глаголенький поэт.

После еду на попутке —
на Пегазе, стало быть,
в город, якобы к Анютке,
нет, ещё бабла добыть.

Покупаю твой ошмёток,
подороже продаю.
Рядом – сразу много тёток,
«как дела?» и «ху а ю?».

Слышал, ты, липучий доллар,
я твоих зараз видал,
переводчиц вверх подолом...
Злые, страшные – беда.

Рядом также много бывших
и неношенных друзей,
на своей лафе оплывших
либо тощих – без моей.

Не до них, я дую в Кремль,
хоть не с «Дружбой», но с пилой,
и пилю там – ну а хрен ли —
всё подряд, крутятся юлой.

За хорошую работу
получаю аусвайс
под стаканчиком компоту.
Не беру. Компот. Не айс.

По бумажке пропускают
на Пегазе даже в Рай,
так что мы, лягая Скайнет,
посещаем Гранд-Вайфай.

Я, фантом ты мятый, Богу
долг мой – вечность отдаю.
Без апломба. Понемногу.
Не магнат. Не «ху а ю».

Соглашаюсь, пьяным занял,
надо ж было столько взять...
Ладно Бог – пушист, как зая,
прост, как три, четыре, пять!

Отдаю – и в дом поэта,
в крем из редьки без брюлей.
Завтра мне пришлют за это
триста сорок пять рублей!

...А из той строки Анютка
правда в городе живёт.
Как-нибудь моя попутка
и к Анютке завернёт.

Это если долг отдам я,
домик путью обновлю
и куплю момент гаданья
вечным: ... (хочешь в крем – брюлю?)

«Тебе идёт – играть, носиться с детворой...»

Тебе идёт – играть, носиться с детворой,
ты и сама – дитя, нежнейшее создание...
Плохой герой и положительный герой
в игре всегда, легко меняются местами.

Мне не идёт – моя война со злом людей,
прости, но если бы я мог её закончить...
Для девяти из десяти – я лиходея,
а для меня они – шальная стая гончих.

Нам не идёт с тобой – друг другу «подходить»,
нам так и так по жизни рядышком носиться...
А на земле сейчас всей жизни – волчья прыть.
Прощай. Но если бы я мог с тобой проститься.

«Смотрю минуту на тебя ...»

Смотрю минуту на тебя —
и на минуту отступают
причины слабости, нытья...
Ты кроветворный эликсир.

Мои надежды молодя
(которым старость подсыпают) —
на чистоводье ты ладья,
а до того я весь в грязи!

Не понадеюсь быть с тобой —
и так с тобой, куда волшебней...
Не загорланю стрелкам «Стой!»
как тот просёлочный бандит.

Но грязью быв и чистотой,
я прихожу, без приглашений,
через часы – к минуте той,
что на часы омолодит...

Люденцы

Мы поглощаемся машинами,
мы люденцы с глазурью душ.
От безысходности паршиво мне,
травить железо я не дюж.

Их, терминаторов, восстание
уже давно произошло.
Они конвейеры поставили
и нас формуют, под музю.

Они на всё живое сделали
автоматический расчёт.
Мы с ними двигались. Не слепо ли?
Сироп уныло так течёт...

Ну как тебя, мою, красивую,
от этих роботов спасти?
Спасу. Не дам. Перебазирую.
Герой... В кондитерской горсти...

«Я мутный тип (один из мутных типов)…»

Я мутный тип (один из мутных типов).
Не хочешь ли со мною замутить?
Мой комплекс интересней, чем Эдипов,
мы будем кругозористо флудить.

Я вольный ветер в поле (на футболе).
Не просит ли душа – позабывать?
Мы будем виноваты в каждом голе,
мы будем креативно пасовать.

Я острый перец (ладно: сносный перец).
Не надо ли приправить что-нибудь?
Ну, в общем, на любой разгон умелец.
Я свечка. Не забудь меня задуть.

Клик

Нет... Не могу себе представить нашу встречу,
при всём живом воображении моём...
Не представляю – и владею связной речью,
а с первым образом – в сознании проём.

Меня как пробку вышибает из реалий,
у алкаша – здесь начинается запой,
электрик спрашивает: «Счётчик заменяли?»,
а я... не помню ничего, ведь я с тобой.

Плыл алконавтом – но не стала горше радость,
пил трудоволь – зря освещал тупым тупик...
Бежал, казалось бы сбежал... ты навесталась,
так будь со мной, мой первый образ, первый к'лик!

Не обольщайся лишь, я всё прекрасно знаю,
есть подсознание к сознанию, и сны!
Мне соскочить бы – что ты, даже не слезаю,
возможно, так – щурёнок любит блеск блесны.

Так подсекай меня, жестокая рыбачка,
немедля – жарь, хоть пережарь! А я – тебя!
Я нереален (потерял, в натуре, пачпорт),
а ты моя (в натуре пачпорт потерял).

Настоянный апрель

Я не понял никого из людей.
И никто из них не понял меня.
Смысла нет дышать в окно, если тень
в огороде стала вместо плетня.

Вместо речки – фирма «Колотый лёд».
Вместо леса – лесорубов артель.
Вместо неба – не бумага, но гнёт.
Сквозь бумагу я пролез бы в апрель.

Дал бы тени в каждый угол с ноги,
под соломку посадил то да сё.
Зеленели бы мои чесноки...
Но сейчас – кого скребёт это всё?

Никого. Чужие кошки скребут
по моим углам, и просят еды.
Смысла нет их прогонять, если тут,
в этом всём, не появляешься ты.

Я не понял никого из людей.
И никто из вас не понял меня.
Пью настоящий апрель... кислотень,
заедаю черешком ревения.

Драгметалл

Даже те, за кого я молюсь,
натянуть меня могут... на плюс.
В землю вбит укороченный крест.
Драгметалл. Не кусает. Не ест.

Даже то, чем я сладко дышу,
угрожает приёмом ушу.
Воздух сладок от микрочастиц.
Драгметалл. Вместо пения птиц.

Даже та, всё которой прощу,
отправляет заочно к врачу.
Будет врач-оптимист говорлив...
Драгметалл. Оптимальный тариф.

Даже сам я себе не гарант,
сам себе – колыбельный таран.
За тепло снова просит зима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.